

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РУБЛЬ

Константиновский рубль занял особое место в русской нумизматике. «Ни одна старинная русская монета,— отмечает видный советский нумизмат И. Г. Спасский,— не пользуется такой известностью, как рубль небывалого императора Константина Павловича. Появление этого нумизматического курьеза в декабре 1825 г. находилось в определенной связи с потрясшим общественное сознание первым выступлением русских революционеров против царизма»¹. Таинственные обстоятельства изготовления этой монеты, секретность, которой она длительное время была окружена, заинтересованность ряда влиятельных лиц в сокрытии или искажении ее истинной истории, наконец, ее редкость — все это привело к беспрецедентному явлению: пробный рубль, известный всего в нескольких экземплярах и никогда не бывший в обращении, привлек к себе огромное внимание и породил обильную и противоречивую литературу. Работы о константиновском рубле появлялись в Петербурге и Берлине, Москве и Марселе, Брюсселе и Сиднее, писались на разных языках и с различными целями.

Напомним основные факты, касающиеся истории этой монеты. В 30-х — 40-х годах прошлого века среди коллекционеров-нумизматов ходили слухи о том, что в период междуцарствия 1825 г. член Государственного совета министр финансов Е. Ф. Канкрин, будучи уверенным в прочности позиций Константина как будущего царя, приказал начать работы по изготовлению рублевой монеты с его изображением. Медальер Я. Я. Рейхель как будто спроектировал такой рубль и вырезал штемпеля, которыми отчеканил некоторое количество монет. Несколько экземпляров якобы успели даже послать на утверждение находившемуся в Варшаве Константину. Но когда стало ясно, что династический кризис разрешается в пользу Николая I, работы были свернуты, а следы их, включая изготовленные штемпеля, уничтожены. До конца царствования Николая I тема константиновского рубля оставалась весьма рискованной, и в печати, естественно, никаких сообщений не появлялось.

Через два года после смерти Николая I, в 1857 г., русский ученый генерал Ф. Ф.

Шуберт опубликовал в Карлсруэ и Лейпциге каталог своей коллекции русских монет. В обоих изданиях был описан рубль с портретом никогда не правившего императора Константина I. Никаких сведений о том, каким образом попала к нему эта монета, Шуберт не сообщал, однако в каталогах указывалось, что сей пробный рубль был послан в период между смертью Александра I и 14 декабря 1825 г. в Варшаву с делегацией сената. Указывалось также, что штемпеля монеты были уничтожены. Опубликованный экземпляр не имел обязательной в то время для рублевой монеты гуртовой надписи.

В 1866 г. нумизмат Б. В. Кене выступил в Берлине со статьей, в которой попытался раскрыть историю таинственной монеты. Он утверждал, что ее создателем являлся Рейхель, который с разрешения Канкрин изготовил штемпеля и тайно отчеканил вне Монетного двора пять монет без гуртовой надписи. Три монеты Канкрин отправил Константину, а две другие вместе со штемпелями были уничтожены в ночь на 14 декабря 1825 года. В 1830 г. Бельведерский дворец Константина в Варшаве разгромили повстанцы, после чего три монеты оказались в обращении. Одну из них некий русский случайно увидел на столе игорного дома в Хомбурге (Южная Германия) и выменял, а после его смерти монета попала к Шуберту.

В 1873 г. нумизмат кн. А. В. Трубецкой издал в Марселе, где он был российским генеральным консулом, брошюру и рассказал в ней, что еще в 1867 г. проживавшая во Франции вдова одного из участников разгрома Бельведерского дворца, действуя через доверенное лицо, предложила ему приобрести пять константиновских рублей, подлинность которых бесспорна. Вследствие высокой цены монет Трубецкой предложил Эрмитажу и некоторым крупным нумизматам вступить с ним в пай. Встретив недоверчивое отношение, он, как утверждалось в брошюре, в 1869 г. путем обменных операций с неким американцем, купившим монеты, сумел приобрести два экземпляра, а остальные три в 1870 г. погибли на затонувшем пароходе. Одну из своих монет Трубецкой подарил Эрмитажу. У рублей Трубецкого, как и у рубля Шуберта, отсутствовала гуртовая надпись, но имелись между ними и отличия, главное из которых состояло в том, что они были отчеканены

¹ И. Г. Спасский. По следам одной редкой монеты. Л. 1964, стр. 5.

хотя и похожими, но все же не тождественными штемпелями. Трубецкой в связи с этим доказывал, что рубль Шуберта — фальшивка, изготовленная за границей.

К 1874 г. относится первое упоминание о константиновском рубле в русской печати: Ю. Б. Иверсен опубликовал два оловянных штемпельных оттиска рубля², принадлежавшие акад. А. Ф. Бычкову. Иверсен упомянул также о рублях Трубецкого, указав, что последний ошибается, считая их настоящими.

В дальнейшем разгорелась ожесточенная полемика между Трубецким и Кене, в ходе которой оба спорщика, нападая друг на друга, защищали и развивали свои версии.

В 1880 г. появилась заметка Д. Ф. Кобеко³, который с 1865 по 1879 г. управлял канцелярией министра финансов. В ней содержались некоторые документальные сведения о константиновском рубле. Состояли они в следующем. Вардейн (начальник Петербургского монетного двора Е. И. Еллерс, посылая 19 декабря 1825 г. управляющему Департаментом горных и соляных дел Е. В. Карнееву донесение по вопросу, не имевшему отношения к константиновскому рублю, в конце своего донесения писал: «При сем же представляются в ящике шесть известных штемпелей с 19-ю оловянными слепками за казенной печатью Монетного двора». 20 декабря Карнеев представил это донесение Канкрину и в сопроводительной записке указал: «Здесь равномерно представляю все штемпели и прочие *приготовления, сделанные на счет известного нового рубля, закупоренные в ящике. На Монетном дворе ничего не осталось. Самый даже рисунок у сего прилагаю». В заметке Д. Ф. Кобеко сообщалось, что публикуемые документы находятся в секретном архиве канцелярии министра финансов, там же хранятся и упомянутые в них шесть штемпелей, 19 пробных оловянных оттисков и проектный рисунок, а кроме того, пять отчеканенных рублей. Указывалось также, что из трех пар штемпелей только одна полностью закончена.

Но утверждение Кобеко, что в секретном архиве хранятся пять отчеканенных рублей, к моменту публикации его заметки уже не соответствовало действительности. Еще

в начале 1879 г. нумизмат вел. князь Георгий Михайлович, узнав о тайне архива, обратился к министру финансов С. А. Грейгу с просьбой исходатайствовать у Александра II разрешение на получение одной монеты. В июне того же года он получил просимое. Вслед за тем Александр II распределил остальные четыре экземпляра: один рубль оставил себе, другой подарил своему сыну Сергею Александровичу, третий — своему шурину принцу Александру Гессенскому, четвертый распорядился передать в Эрмитаж⁴. Все эти рубли, хотя и были отчеканены с дефектами, имели гуртовую надпись. Однако отчеканены они были теми же штемпелями, что и рубль Шуберта, а это доказывало подлинность шубертовского экземпляра.

В работах последующих десятилетий продолжала бытовать версия об отправке какого-то количества рублей в Варшаву; рубли Трубецкого одними авторами признавались фальшивыми, а другими — подлинными; окончательно запутались представления о количестве отчеканенных экземпляров; появились утверждения об изготовлении штемпелей константиновского рубля еще при жизни Александра I и пр.

В советское время первым предпринял попытку решить загадку константиновского рубля А. А. Ильин. Перед ним, помимо прежних проблем, встала еще одна: между 1916 г. и 1919 г. коллекционер Л. Х. Иозеф показывал ему свой экземпляр константиновского рубля, ничем не отличавшийся от экземпляра Шуберта. Откуда же он взялся? Ильин знал, что шубертовский рубль в 1913 г. тогдашний его владелец И. И. Толстой продал на аукционе в Германии. Но он был уверен, что эта монета не могла иметь двойника, и потому пришел к выводу о ее возвращении на родину. Рубли Трубецкого Ильин признал подлинными, считая, что их оборотная сторона не отличается от оборотной стороны других рублей, а штемпель лицевой стороны утрачен. Он был убежден, что все экземпляры, кроме пяти, найденных в секретном архиве, — новоделы, отчеканенные на Монетном дворе подлинными штемпелями, но не в 1825 г., а позднее, по заказам коллекционеров. Чувствуя, очевидно, недостаточную обоснован-

² Штемпельные оттиски из сплава олова и свинца делаются медальером несколько раз в процессе изготовления каждого штемпеля, чтобы проверить, насколько правильным получается позитивное изображение.

³ См. «Русская старина», 1880, январь, стр. 187—189.

⁴ В настоящее время в музеях СССР хранятся два константиновских рубля: один (с 1879 г.) в Эрмитаже и один (с 1930 г.) в Государственном Историческом музее в Москве (экземпляр, принадлежавший ранее Александру II).

ность своих выводов, Ильин не опубликовал работу; он умер в июле 1942 г. в Ленинграде, до последнего дня самоотверженно трудясь в Эрмитаже, а его рукопись «Рубль Константина» увидела свет в 1964 г. в качестве приложения к книге И. Г. Спасского «По следам одной редкой монеты».

Поставив своей задачей «резвый и тщательный пересмотр имеющихся сведений», И. Г. Спасский сумел распутать массу противоречивых данных, выделить достоверные сведения и по-новому поставить ряд спорных проблем. Так, вопрос о рублях Трубецкого перестал быть дискуссионным: в книге И. Г. Спасского доказано, что они являются искусными подделками. Убедительные доводы привел ученый в доказательство легендарности версии об отправке рублей в Варшаву. Стало бесспорным и то, что возможности свободного изготовления новоделов константиновского рубля по заказам коллекционеров никогда не существовало. Проследив путь шубертовского рубля, И. Г. Спасский смог доказать, что рубль Иозефа — это другая монета. Относительно происхождения шубертовского экземпляра он высказал предположение, что сначала этот рубль действительно принадлежал Рейхелю, который, будучи не только автором штемпелей, а и любителем-нумизматом, тайно отчеканил его для себя. Вопрос о рубле Иозефа остался открытым, но было указано несколько возможных путей его происхождения.

Книга И. Г. Спасского дала возможность увидеть имеющиеся еще в истории константиновского рубля «белые пятна». Наиболее заметным пробелом продолжал оставаться комплекс вопросов, касающихся обстоятельств создания монеты в декабре 1825 года. Между тем эти вопросы (например, о датах начала и окончания работ на Монетном дворе, степени их срочности и секретности, причинах изготовления трех пар штемпелей, количестве отчеканенных экземпляров) представляют значительный интерес, ибо они связаны с важными политическими событиями — междуцарствием, воцарением Николая I и восстанием декабристов.

Причиной пробела было почти полное отсутствие документальных данных о создании «крамольных» рублей: вся документированная информация состояла из четырех фраз, опубликованных Кобеко. При этом, поскольку Кобеко авторитетно заявил, что «в архиве канцелярии министра не сохранилось никаких других сведений о времени

и причинах изготовления этого рубля», а Карнеев еще в 1825 г. докладывал Канкрину, что «на Монетном дворе ничего не осталось», — господствовало мнение, что если даже и существовали какие-нибудь неизвестные документы о константиновском рубле, то они были уничтожены после 14 декабря 1825 года. Автор данной заметки решился поставить под сомнение этот традиционный взгляд и обратился к архивным изысканиям.

После длительных поисков в Центральном государственном историческом архиве (Ленинград) было найдено несколько документов, имеющих отношение к истории этого рубля, из них два — непосредственно отражающие ход работ по его изготовлению. Оба документа являются донесениями Е. И. Еллерса Е. В. Карнееву. Первое датировано 7 декабря 1825 г., то есть относится ко времени, когда Константин считался императором. Еллерс докладывал: «Вследствие приказания вашего превосходительства имею честь: во 1-х. представить при сем монеты, затисненные штемпелем сего 1825-го года:

	Кружков	Руб.	Коп
Золотую полунимпер-			
альную	1	5	—
Серебряную:			
рубль	1	1	—
полтину	1	—	50
20-копеечную	2	—	40
10 »	2	—	20
5 »	2	—	10

7 руб. 20 коп.

во 2-х, — две бронзовые медали на рождение государя императора Константина Павловича препровождены в Департамент горных и соляных дел сего числа в 12-м часу до полудни; в 3-х, — донести, что относительно скорейшего приготовления штемпелей для образцового рубля по данным рисункам сделано вчерашнего 6 декабря следующее распоряжение: на трех штемпелях начали оно число вырезать портрет и на трех же реверс (герб). Штемпели син отданы в разные руки для большего соревнования с тем, чтобы занимались день и ночь. Причем медальерам объявлено приказание вашего превосходительства, чтобы употребили все усилие изготовить в назначенный срок, к 10 декабря, стараясь отделать тщательнейшим образом. Об успехе

сего дела не премину донести вашему превосходительству завтрашнего числа. 7 декабря 1825. Вардейн Еллерс». Напротив того места в тексте, где говорится о представлении монет, отчеканенных штемпелями 1825 г., сбоку имеется помета: «Монеты вручены г. министру 8 дек. 1825»⁵.

Итак, выясняется дата начала работы над штемпелями константиновского рубля — 6 декабря 1825 года. Значит, работы эти начались не в первые дни после получения известия о смерти Александра I, как предполагалось, а за неделю до краха всей затеи. Очевидно, в середине междуцарствия убеждение, что трон останется за Константином, было прочным. Устанавливается и назначенная Канкриным дата изготовления штемпелей — 10 декабря, то есть на выполнение работ был отведен фантастически короткий срок в 3—4 дня, тогда как, «по словам специалистов-граверов, требуется 7—10 дней усидчивого труда, чтобы вырезать вручную один штемпель подобной сложности»⁶. Выясняются причины изготовления трех пар штемпелей и подробности работы над ними: чтобы обеспечить выполнение повеления министра в назначенный срок, к изготовлению штемпелей были привлечены разные медальеры, между которыми устроили «соревнование», причем все они трудились день и ночь. Раскрывается также причина невероятной спешки: требование Канкриня срочно представить ему (еще до окончания работ по изготовлению пробного рубля) образцы находившихся в обращении золотого полуимперияла и серебряных монет всех номиналов, отчеканенных штемпелями текущего года, свидетельствует о том, что он лихорадочно готовился к первому докладу новому императору, ожидая появления его в Петербурге.

Если бы Константин остался императором, то Канкрин действительно в числе первоочередных вопросов должен был бы поставить перед ним вопрос о типе монет. Хотя при Александре I на ходячих русских монетах не было никаких указаний на имя царствующего монарха, определение монетного типа являлось императорской прерогативой и целиком зависело от «высочайшего соизволения». Следовательно, Канкрин, заранее готовясь к докладу новому царю, мог заблаговременно составить докладную

записку с запросом относительно дальнейших действий или даже, проявляя присущее ему усердие, заготовить впрок проектные рисунки новых монет в различных вариантах. Но так как он не знал, какое решение примет Константин, в особо срочном изготовлении портретных рублей отсутствовала необходимость. Инициатива Канкринна была заискриванием, «ласкательством», как тогда говорили, перед новым самодержцем.

Для выяснения истории константиновского рубля имеет значение тот факт, что работы по его изготовлению были в декабре 1825 г. не единственной затеей Канкринна. Другая его затея связана с содержащимся в приведенном донесении Еллерса сообщением о представлении 7 декабря в Департамент горных и соляных дел двух экземпляров медали на рождение Константина. Медаль, о которой идет речь, была создана по указанию Екатерины II Б. Гассом и К. Леберехтом еще в 1779 г.⁷ и Канкрин пытался использовать не подлинники, а новодельные экземпляры. Обнаруженные архивные документы раскрывают его замысел. Получив 7 декабря две медали, Карнеев в тот же день одну отправил кн. А. Б. Куракину с запиской: «Управляющий Департаментом горных и соляных дел вследствие приказа г. министра финансов честь имеет у сего представить его сиятельству князю Алексею Борисовичу бронзовую медаль, выбитую на рождение государя императора»⁸. А. Б. Куракин был одним из влиятельнейших вельмож Петербурга. Получив медаль, он 8 декабря послал Карнееву письмо, в котором просил уведомить, сколько за нее следует заплатить⁹. 10 декабря Карнеев в ответном письме сообщил: «Честь имею ответить, что доставленная мною к Вам бронзовая медаль на рождение государя императора никаких издержек не стоила, будучи приготовлена на Монетном дворе по приказанию г. министра финансов собственно для Вашего сиятельства. Донося о сем Вам, милостивый государь, прошу покорнейше принять уверение в совершеннейшем почтении»¹⁰.

Вторая медаль, представленная Еллерсом 7 декабря, была использована аналогично первой, ибо из документов видно, что раздаривание новодельных медалей в память

⁷ В. П. Смирнов. Описание русских медалей. СПб. 1908, стр. 148, № 284.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 17, д. 1049, л. 1.

⁹ Там же, л. 2.

¹⁰ Там же, л. 3.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 17, д. 1093, лл. 1—1 об.

⁶ И. Г. Спасский. Указ. соч., стр. 18.

рождения Константина, а также на рождение скончавшегося Александра I Канкрин задумал в широких масштабах. Пример же с Куракиным показывает, что подарки предназначались самым значительным персонам, которые могли стать влиятельными при новом дворе. 10 декабря вардейн Монетного двора послал Карнееву новое донесение: «Вследствие приказа вашего превосходительства имею честь представить при сем 7 бронзовых медалей на рождение государя императора Константина Павловича и 3 медали на рождение государя Александра Павловича; следующие за них деньги, по 2 р. за штуку, всего 20 рублей, получены»¹¹. Канцелярская помета на донесении гласит, что оно было доложено Карнееву 12 декабря и «что касается до медалей, то г. управляющий оставил оные у себя», то есть для передачи Канкрину или рассылки по его указаниям. Успели ли использовать эти медали для новых презентований, неизвестно. Возможно, часть была раздарена. Но и на этом деле не кончилось. Продолжение носило совершенно курьезный характер: 18 декабря, когда царствовал уже Николай и было ясно, что вся затея с медалями провалилась, исполнительный Еллерс послал еще одно донесение Карнееву, уведомляя о посылке по его приказанию 15 медалей, в том числе 6 «на рождение государя Александра Павловича» и 9 «на рождение цесаревича Константина Павловича», а также о том, что «следующие за них деньги... на Монетном дворе получены и в приход записаны»¹². Карнееву ничего не оставалось, как взять и эти медали. Срочное изготовление рубля с портретом Константина, чеканка и раздавание новодельных медалей на его рождение свидетельствуют о беспокойстве и растерянности, владевших Канкриным, когда он готовился предстать перед новым императором. Конкретные причины этого кроются в некоторых фактах его биографии и личных взаимоотношений с цесаревичем, но важно то, что, какими бы личными мотивами он ни руководствовался, в целом его поведение определялось общей обстановкой, сложившейся в правительственных кругах накануне восстания декабристов. Оно еще раз показывает, в какой тайне решались в те дни вопросы престолонаследия.

Второе донесение Еллерса, касающееся рубля Константина, датировано 14 декаб-

ря 1825 года. В этот памятный для истории России день, когда дворянские революционеры подняли вооруженное восстание против самодержавия и крепостничества, министр финансов и ближайшие его помощники были заняты лихорадочной деятельностью, по своему значению не имевшей ничего общего с событиями, развернувшимися на улицах и площадях столицы. Когда в ночь на 14 декабря на чрезвычайном заседании Государственного совета Николай провозгласил себя императором, для Канкрин неожиданным оказался не только сам этот факт, но и то, что Константин не отрекся от престола в пользу младшего брата, а лишь ссылался на свой давнишний отказ от прав на престолонаследие.

Сложившаяся ситуация поставила Канкрин в затруднительное положение. О том, что произойдет через несколько часов, он знать не мог. Но уже то, что Константин оказался не бывшим императором, а императором «небывшим», придавало предприятую по изготовлению рубля с его изображением скандальный характер. Следовало принять меры к приостановке работ и ликвидации следов неудачной затеи. Субординация была соблюдена и в этом случае: все команды Канкрин давал через Карнеева. Ночью (или рано утром) 14 декабря он вызвал его, а тот, в свою очередь, экстренно отдал распоряжения Еллерсу, в результате исполнения которых и появилось донесение последнего. Написанное 14 декабря, оно в тот же день, как видно из пометы на нем, было получено Карнеевым. Вместе с донесением были представлены и вещественные приложения. Текст донесения невелик: «Во исполнение приказа вашего превосходительства имею честь представить к прежним двум еще четыре образцовых рубля из числа затисненных в субботу (12 декабря), прочие кружки, коими первоначально штампели пробованы, забиты так, что изображений на них не видно; при сем представляются также и рисунки; изготовленные штампели, как два закаленных, так и четыре незакаленных, равно оловянные слепки, по отобрании, запечатаны казенной Монетного двора печатью и хранятся особо, чем и самые пробы по сему делу приостановлены. 14 декабря 1825. Вардейн Еллерс»¹³.

Какую новую информацию дает это донесение? Прежде всего устанавливается дата чеканки проб: суббота 12 декабря 1825

¹¹ Там же, л. 4.

¹² Там же, л. 5.

¹³ Там же, д. 1093, л. 2.

года. Это документально убеждает в ложности версии об отправке пробных рублей Константину в Варшаву и вместе с тем показывает, что в день, когда было закончено составление манифеста о воцарении Николая и назначен срок переприсяги, один из наиболее высокопоставленных сановников империи все еще продолжал считать или, во всяком случае, допуская, что царствовать будет Константин. Эта любопытная деталь характеризует политическую обстановку в правительственных кругах накануне восстания 14 декабря. Выясняется также дата приостановки работ — 14 декабря, день переприсяги и восстания в столице. Документально устанавливается и число пробных рублей, представленных Монетным двором в министерство финансов: их оказалось не пять, как принято было считать после публикации Кубеко, а шесть. Тем самым констатируется факт исчезновения одного экземпляра раритетной монеты из министерства¹⁴. Вместе с тем определяется время передачи пробных рублей в министерство финансов: четыре экземпляра были переправлены вместе с рисунками рубля 14 декабря, а два — раньше (очевидно, 12 декабря); при этом, если в день восстания монеты передавались как «крамольные», то первые два экземпляра, судя по всему, были представлены как пробы рублей с портретом нового императора. Выясняется, что на Монетном дворе, помимо переданных экземпляров, имелись и другие пробные оттиски в серебре. По словам Еллера, изображение на них было забито. Но так как ныне известно о семи экземплярах рубля, а с Монетного двора передано было шесть, то по меньшей мере один экземпляр из числа этих проб не был уничтожен. Таким образом, косвенно подтверждаются догадки о происхождении рубля, оказавшегося впоследствии (очевидно, через Я. Я. Рейхеля) у Ф. Ф. Шуберта, с той, однако, поправкой, что Рейхелоу чезачем было тайно чеканить для себя экземпляр, если он мог воспользоваться готовым. Наконец, из донесения видно, что штемпеля и оловянные слепки первоначально не предполагалось сдавать в министерство финансов. Их упаковали и запечатали для хранения на самом дворе, и лишь позднее Канкрин потребовал передать их в министерство, что и было выполнено Еллерсом 19 декабря.

¹⁴ И. Г. Спасский дальновидно высказывал предположение, что из министерства «что-то могло уйти» (И. Г. Спасский. Указ. соч., стр. 82).

Второе донесение, решая, как и первое, ряд проблем, выдвигает вместе с тем и новые. Прежде всего возникает вопрос о количестве проб, «спасенных» от уничтожения на Монетном дворе. Ограничилось ли дело одним экземпляром? При утвердительном ответе получилась бы идеальная схема, решающая споры о количестве константиновских рублей: известны семь экземпляров, из них один был тайно вынесен из Монетного двора Рейхелем, а шесть поступили в министерство финансов, при этом пять из шести в 1879 г. распределил Александр II, а шестой, оказавшийся потом у Иозефа, кто-то изъял из министерства до 1879 года. Заметим, что И. Г. Спасский, высказывая предположение, что из министерства финансов «что-то могло уйти», связывал это с загадкой рубля Иозефа, то есть допускал возможность подобной «раскладки». Однако теперь для такого решения вопроса требуется объяснить следующую несообразность: если все отчеканенные пробы делились на две части, из которых одна передавалась в министерство финансов, а другая подлежала уничтожению, то какая была необходимость вместе с законченными экземплярами (пусть с дефектами, но все же формально законченными; не случайно Еллерс называет их «образцовыми рублями») передавать в министерство один незаконченный без гуртовой надписи, коль скоро другие, точно такие же (рубль Шуберта), были оставлены на Монетном дворе для уничтожения? Так как нет данных, указывающих на то, что Канкрин потребовал строго определенное количество рублей, и даже трудно вообразить, зачем бы это ему могло тогда понадобиться, логично полагать, что в министерство передавались только законченные экземпляры.

Вероятный ход событий представляется тогда в следующем виде. Пробы без гуртовой надписи чеканили ручным винтовым прессом, не имевшим гуртильного кольца, с целью проверить на серебре первую законченную и закаленную пару штемпелей. Опробование дало удовлетворительные результаты. Но без гуртовой надписи полученные оттиски не считались рублевыми монетами (по терминологии Еллера, это лишь «кружки, коими первоначально штемпели пробованы»). Поэтому перешли к чеканке на станке, производившем одновременно тиснение изображения и обжимку гурта. В ходе работ возникли осложнения с наладкой станка, в связи с чем начатый пробный чекан имел недостатки, особенно в оттиске

гуртовой надписи. Тем не менее два первых экземпляра (или два лучших экземпляра из шести, отчеканенных 12 декабря) без задержки послали Карнееву в доказательство того, что в целом приказание министра выполнено. С этим торопились скорее всего потому, что назначенный Канкриным срок истек, а следующий день был воскресным, когда министерство не работало. Пробы предполагалось продолжить 14 декабря, но тут они были неожиданно остановлены («пробы по сему делу приостановлены», — докладывал Еллерс), неудачное предприятие ликвидировано, а оставшиеся отчеканенные рубли (все с браком, но формально законченные) переданы по указанию Канкрин в министерство.

Исходя из этой схемы, обратимся ко второму варианту «раскладки», при котором к Канкрину поступили только законченные экземпляры. В этом случае рубль Шуберта и рубль Иозефа должны иметь одинаковое происхождение. Страстный коллекционер Рейхель, будучи руководителем или участником уничтожения немногочисленных пробных оттисков ставшей вдруг запретной монеты, в создании которой он сыграл одну из главных ролей, сумел, по-видимому, оставить для себя не один, а несколько экземпляров. Тогда рубль Иозефа — это «второй рейхелевский». Но это не все. Из работы И. Г. Спасского известно, что в 1962 г. в Эрмитаж обратился некий ленинградец с просьбой произвести экспертизу принадлежащего ему константиновского рубля без гуртовой надписи. По словам владельца, монета ранее принадлежала умершему в 1938 г. деду его жены Ф. Ф. Рихтеру. Экспертиза установила ее подлинность. И. Г. Спасский пришел к выводу, что это рубль Иозефа, бесследно исчезнувший после его смерти в 1919 г., а на самом деле, очевидно, приобретенный Рихтером у вдовы покойного¹⁵. Не нуждается ли теперь данный вывод в более определенных доказательствах? Как ни ничтожна вероятность того, что рубль Рихтера — это «третья рейхелевская» монета, следует иметь в виду и такую возможность.

Перейдем к рублям, переданным в канцелярию министра финансов. Если все поступившие к Канкрину экземпляры имели гуртовую надпись, то выходит, казалось бы, что о шестом министерском экземпляре до сих пор нет никаких сведений. Заметим, что, если бы даже это было на самом деле так, удивляться не приходится: монету,

похищенную из секретного архива канцелярии министра финансов, следовало прятать особенно тщательно, и о ее существовании после смерти владельца могли не знать даже близкие люди. Однако действительно ли об этом экземпляре ничего не известно? В 1898 г. на аукционе фирмы Гамбургера во Франкфурте-на-Майне был продан какой-то подлинный константиновский рубль, имевший, как указывает И. Г. Спасский, гуртовую надпись. Действуя методом исключения, И. Г. Спасский определил, что это был экземпляр, принадлежавший ранее вел. кн. Сергею Александровичу¹⁶. Но И. Г. Спасский исходил из того, что из министерства финансов было извлечено пять монет, при этом четыре из них на аукцион 1898 г. попасть не могли. При наличии же шести монет и неясности судьбы двух из них вопрос должен быть рассмотрен заново. Между тем таинственные обстоятельства появления константиновского рубля на аукционе 1898 г., отсутствие сведений о его прежних владельцах и ясных данных о лице, продававшем монету, делают более предпочтительной версию, что это и был экземпляр, похищенный из министерства.

Напрашивается деликатный вопрос: кто же мог завладеть шестым министерским экземпляром? Сей «детективный» сюжет требует специального рассмотрения. В данном случае отметим лишь, что он не имел бы для историков существенного значения, если бы не одно обстоятельство: ряд косвенных данных заставляет предполагать, что виновником исчезновения шестого экземпляра был Д. Ф. Кобко, поэтому его публикацию есть основания рассматривать не только как источник информации о тайне министерского архива, но и как средство дезинформации о действительном количестве экземпляров, переданных в министерство.

В заключение коснемся еще одного сюжета, проливающего дополнительный свет на происхождение легенд о константиновском рубле. Все основные участники «действия» с рублем Константина до конца жизни хранили его тайну. Но какие-то слухи просачивались, и тогда была пущена в ход версия об отправке отчеканенных экземпляров в Варшаву и уничтожении штемпелей. Немаловажную услугу в распространении этой легенды оказал Канкрину А. И. Сабуров, который в 1825 г. в чине ротмистра лейб-гвардии гусарского полка был адъютантом

¹⁵ Там же, стр. 79—81.

¹⁶ Там же, стр. 70—71, 74.

военного министра А. И. Татищева и после принесения присяги Константину возил в Варшаву рапорты военного министра и министра финансов. Он утверждал, что по поручению Канкрин вместе с его рапортом отвез в Варшаву и пробные рубли. На рассказы умершего в 1866 г. Сабурова ссылались в ходе своей полемики и Кене, и Трубецкой (согласно Кене, он говорил о трех монетах, согласно Трубецкому — о шести). Ознакомление с формулярным списком Сабурова дает основания полагать, что распространением небылицы он занимался не просто из любви к фанфаронству: в 1836 г. Канкрин определил его, к тому времени находившегося в отставке, чиновником для особых поручений министерства финансов, а через год прикомандировал этого безграмотного в финансовых вопросах человека в

Государственный заемный банк «для исправления должности старшего директора по вкладам»¹⁷. В распространении далеких от правды версий активную роль играли также Рейхель, позже Шуберт, а быть может, и некоторые другие лица, заинтересованные в сокрытии истины. Канкрин тоже не гнушался при необходимости доверительно подтверждать ходившие слухи и добавлять к ним новые подробности. На этой почве и стали произрастать легенды, появился повышенный интерес к «таинственному» рублю и начали предприниматься квалифицированные и неквалифицированные попытки его подделки.

В. В. Бартошевич

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 469, оп. 1, д. 233, л. 37 об.